

Тема 13 Историческая мысль в первой половине XX в.

Учебные вопросы:

1. Релятивистская теория истории.
2. Экономическая история
3. Рождение цивилизационного подхода к рассмотрению истории

Вопрос 1

На протяжении XX в. историческая наука не раз претерпевала радикальные изменения, которые учёные назвали поворотами. Эти изменения касались понимания предмета науки, её содержания, проблематики, методов исследования и, в конечном счёте, её профессионально-научного и социального статуса.

Кризис историографии в XX в. был связан со сменой научных парадигм, принципов и методов познания, а также с изменениями социального статуса исторической науки. В любой отрасли знания в какой-то момент возникает ситуация, когда её доминирующая научная модель оказывается не в состоянии объяснить полученные научным сообществом новые результаты.

Пересмотр старой научной парадигмы начался уже на рубеже XIX–XX вв. с утверждения принципиального различия между историческим и естественнонаучным познанием, что, в конце концов, привело к радикальным изменениям в самом образе истории. Решительная атака на позитивизм была предпринята накануне и во время Первой мировой войны. Начавшийся на рубеже веков методологический кризис в годы войны получил колоссальный импульс и превратился в общий кризис исторической науки. Потрясения начала века развеяли оптимистическую уверенность в безостановочном поступательном развитии западной цивилизации, способной гармонично решать все свои проблемы. Рушилась теория прогресса, вновь появилось стремление найти идеал в прошлом. Вместе с оптимистическими ожиданиями потерпел крушение образ самой истории – мудрой наставницы

жизни, способной на основании глубокого понимания прошлого прорицать будущее. Остро встал вопрос о том, нужна ли история вообще.

Важную роль в пересмотре основных принципов исторического познания сыграл и произошедший в конце XIX – начале XX в. переворот в научной мысли – революция в физике. Теория относительности Альберта Эйнштейна и другие великие открытия в физике и математике обосновали новую, релятивистскую, картину мира (пришедшую на смену механистической), исходящую из признания органической связи пространства и времени с движением материи и вытекающего отсюда вероятностного характера естественнонаучных законов и, соответственно, вероятностной, относительной природы научной истины.

О глобальном значении этой научной революции очень точно сказал позднее Люсьен Февр: «Ясно как день, что фактической отправной точкой всех новых концепций, овладевших учеными (или, вернее, исследователями, теми, кто создает, кто движет вперед науку и чаще всего бывает поглощен именно исследованиями, а не их осмыслением), – этой отправной точкой была великая и драматическая теория относительности, потрясшая все здание науки, каким оно представлялось людям моего поколения в годы их юности».

Пересмотр позитивистских эпистемологических основ исторического знания происходил под флагом релятивизма и презентизма (направление в методологии истории 20 в. (особенно в США в 20-40-х гг.), которое исходит из того, что историческая наука всегда анализирует прошлое с позиций современности; таким образом происходит модернизация истории). Наиболее авторитетными и последовательными критиками позитивизма были выдающиеся мыслители XX в. Бенедетто Кроче и Робин Дж. Коллингвуд, которые, вслед за Гегелем, представляли исторический процесс как историю развития духа. Они утверждали, что история, в отличие от природы, не может быть объективно отражена в сознании исследователя. Факты природы и истории не являются фактами в одном и том же смысле слова. Факты

природы – то, что учёный может зримо воспринять или воспроизвести в лаборатории. В роли фактов истории выступают события, случившиеся в прошлом, и условия, которых больше не существует. Они становятся объектами исторической мысли лишь после того, как перестают непосредственно восприниматься. В распоряжении историка только документы или иные реликты, остатки прошлого, из которых он и должен каким-то образом реконструировать факты. В этом и заключается специфика исторического познания.

Итальянский историк и философ **БЕНЕДЕТТО КРОЧЕ** (1866 – 1952) начинал свои первые исследования как позитивист. Однако быстро ощутив ограниченность характерного для позитивизма натуралистического подхода к истории, не оставлявшего места «ни для человека, ни для истории человека», исследователь приходит к осознанию необходимости создания национальной истории, понимаемой не как хроника событий, а как «история чувств и духовной жизни».

Основные теоретические постулаты своей методологии исторического познания, которую Кроче называл «абсолютным историцизмом» он изложил в труде «**Теория и история историографии**» (1915). Главный пафос его концепции, близкой к взглядам Вико и историографии романтизма, направлен на признание и в процессе исторического развития, и в процессе познания роли активной личности, творящей историю в соответствии со своими нравственными, ценностными установками. Историческое сознание выступает необходимой предпосылкой действия, а главным творцом истории в концепции Кроче является свободный, мыслящий индивид, руководствующийся своих поступках как совокупностью определенных общественных ценностей и установок, так и волей Провидения, которую людям не дано познать. Индивид, творящий историю, стремится пережить и переосмыслить прошлое в настоящем. Объяснение Причин событий Кроче искал внутри самого процесса мысли, не во внешних по отношению к нему

факторах (Бог или закон), было характерно для других идеалистических и позитивистских концепций, а также для исторического материализма.

В США 20–30-х гг. XX в. сильные позиции занимали критики позитивизма, которые делали упор на относительность исторического знания (так называемый американский релятивизм). Видные американские ученые Ч. Бирд и К. Беккер подчеркивали неизбежность личного воздействия историка на результаты его исследования, невозможность объективного познания прошлого, коль скоро в силу самой природы исторического процесса он не может нейтрально относиться к тому, что изучает.

КАРЛ ЛОТУС БЕККЕР (1873–1948) призывал к отказу от привычки думать об истории как части внешнего мира и об исторических фактах как действительных событиях. Релятивизм на американской почве вылился в презентистскую версию, исходный принцип которой состоял в признании прошлого продуктом настоящего – прошлое рисовалось как проекция настоящего, как воображаемый образ, не имеющий независимой от исследователя опоры в реальности. Развивая это положение, **ЧАРЛЗ ОСТИН БИРД** (1874–1948) в своем знаменитом адресе к Американской исторической ассоциации (в качестве её новоизбранного президента) в 1933 г., в частности, заявил: «История как мысль, а не как действительность, документ или специальное знание – вот что реально означает термин «история» в его самом широком и всеобщем смысле». Им развивалось представление о субъективной природе исторического знания как акта веры, основанного на свободном выборе историком фактов и исследовательских концепций: поскольку силы историка ограничены, он не может использовать все факты о каком-либо событии нового и новейшего времени и отбирает их для исследования субъективно, сообразно обстоятельствам жизни и своим природным свойствам. В практике конкретного исторического исследования относительная достоверность результатов определялась соответствием его выводов гипотетическим основаниям предлагаемой концепции.

Конечно, сама по себе «прививка» релятивизма была необходима для достижения дисциплинарной самостоятельности истории и развития собственного научного инструментария, но столь радикальный пересмотр познавательных возможностей истории угрожал полной потерей ею своего научного статуса. Признавалась возможность любых интерпретаций истории: каждый человек сам себе историк, как утверждал Беккер заголовком одной из своих статей. Однако те, кто отрицал представления об объективном характере исторического знания, признавали профессиональные, основанные на критике источников, труды, а, следовательно, на практике принимали всю или почти всю позитивистскую методологию истории.

Выдающийся британский историк и философ **РОБИН ДЖОРДЖ КОЛЛИНГВУД** (1888–1943) определял предмет исторического знания как «*res gestae* – действия людей, совершённые в прошлом». Представляя исторический факт как перевоплощение мысли действующего лица в сознании историка, он уделял большое внимание характеристике доказательств и рассуждений. По мнению Коллингвуда, отправным пунктом организации знания в точных науках являются допущения, в истории – факты. Исторический метод заключается в интерпретации фактических данных, которые «по отдельности называются документами». Историческое познание не зависит ни от авторитета, ни от памяти. Коллингвуд подчеркивал, что историк может вновь открыть то, что было полностью забыто в результате утраты свидетельств о нём: он может даже открыть что-то, о чём до него никто не знал.

Коллингвуд сформулировал принципы профессиональной истории следующим образом: «Историк имеет право и обязан, пользуясь методами, присущими его науке, составить собственное суждение о том, каково правильное решение любой программы, встающей перед ним в процессе его работы». Иными словами, историк всегда заново исследует изученные ранее факты. Его выводы, в отличие от общезначимых выводов физика, – всегда его личное переживание и суждение. Коллингвуд утверждал, что историк,

исследуя любое событие прошлого, проводит грань между тем, что можно назвать внешней и внутренней сторонами данного события. Под внешней стороной события он подразумевал всё, что может быть описано в терминах, относящихся к телам и их движениям: переход Цезаря в сопровождении определённых людей через реку, именуемую Рубикон, в определённое время или же капли его крови на полу здания сената в другое время. Под внутренней стороной события он понимал то, что может быть описано только с помощью категорий мысли: вызов, брошенный Цезарем законам Республики, или же столкновение его конституционной политики с политикой его убийц. Коллингвуд подчеркивал, что работа историка может начаться с выявления внешней стороны события, но она никогда этим не завершается. Когда историк спрашивает: «Почему Брут убил Цезаря?», то его вопрос сводится к следующему: «Каковы были мысли Брута, заставившие его принять решение об убийстве Цезаря?» Причина события для историка тождественна мыслям того человека, действия которого это событие вызвали.

Коллингвуд писал, что история нужна для человеческого самопознания: «Познание самого себя означает познание того, что вы в состоянии сделать, а так как никто не может знать этого, не пытайтесь действовать, то единственный ключ к ответу на вопрос, что может сделать человек, лежит в его прошлых действиях. Ценность истории, поэтому и заключается в том, что благодаря ей мы узнаем, что человек сделал, и тем самым – что он собой представляет».

Коллингвуд противопоставлял ненаучную «историю ножниц и клея» и «научную историю». Первая, по его мнению, сводится к отбору и комбинированию существующих свидетельств и характерна для поздней античности и средних веков. С XVII в. получает распространение критическая история, которую Коллингвуд, видя в её основе стремление определить достоверность сведений источников, считал всего лишь разновидностью «истории ножниц и клея». В XIX в. степень достоверности

источников также представляет несомненный интерес, но в рамках «научной истории» исследователь анализирует источники, беря на себя инициативу в решении вопроса о том, что он хочет найти в них. Если «историк ножниц и клея» читает источники, исходя из допущения, что в них нет ничего, о чём бы они прямо не говорили читателю, то «научный историк» добывает из них сведения, которые на первый взгляд говорят о чём-то совершенно ином, а на самом деле дают ответ на вопрос, который он поставил. Учёный разработал принципы исторической интерпретации, основанной на стремлении историка войти в контекст изучаемой эпохи.

Вопрос 2

Релятивизм шёл вразрез с убеждениями многих историков, которые продолжали видеть своё профессиональное предназначение в адекватной реконструкции прошлого, а потому отстаивали объективность фактологической основы исторической науки. Эта установка историков-практиков находила философское обоснование в неопозитивистских концепциях, которые развивались одновременно и параллельно с антипозитивистскими. В рамках неопозитивизма, в частности, активно разрабатывались логические принципы научного знания как такового, а также изучались те нормы и правила, на которые опиралась аналитическая деятельность историка. Неопозитивистская философия истории характеризовалась признанием роли в истории общих социологических и психологических факторов и, соответственно, ведущей роли в историческом познании объяснительных процедур – сопоставления изучаемых явлений со стандартами поведения, мышления, типами, структурами отношений повседневности.

КАРЛ РАЙМОНД ПОППЕР (1902–1994) резко критиковал «историцизм» за попытку обнаружить «законы эволюции», якобы дающие возможность предсказывать будущее. Одновременно он справедливо отмечал черты сходства и различия естественнонаучного, социального и

исторического познания, придавая большое значение анализу исследовательских процедур в исторической науке. По его мнению, эти процедуры во многом могут быть отождествлены с теми, которые используются в физике. Не отрицая наличия общих исторических законов, Поппер в то же время отмечал, что они по большей части тривиальны и не способны выполнять ту функцию, которую выполняют законы в теоретических науках.

Наиболее ярко неопозитивистский подход проявился в новой исторической дисциплине – **экономической истории**, имевшей самые тесные связи с проблемами современности и успешно развивавшейся на фоне мировых экономических кризисов. В начале XX в. она уже преподавалась в американских, британских и французских университетах. Первые работы касались, как правило, экономической политики государства и представляли собой самый удобный переход от занятий политической историей. Но уже очень скоро историко-экономические исследования сосредоточились на изучении движения цен, а затем и вокруг феномена индустриализации, который вызывал наибольший интерес у специалистов во всем мире. Результатом стало особое внимание к Британии – первой стране, пережившей промышленную революцию.

Крут вопросов экономической истории до XVIII в., на которые исследователи могли дать ответ с достаточной долей уверенности, был резко ограничен скудостью данных.

В экономической истории вместо героев и выдающихся личностей на авансцене оказались объективные факторы, воздействие которых имело тенденцию распространяться и на другие сферы общественной жизни. Более ранние труды по экономической истории носили в основном описательный характер: в них воссоздавалась картина хозяйственной жизни в определенный период, и не проявлялось особого интереса к механизмам экономических перемен. Позже большинство исследований было нацелено на раскрытие динамики роста или упадка экономики в целом, а также по

отдельным важнейшим отраслям. Острые споры вызвали как раз векторы и механизмы этих изменений.

Французские учёные **ФРАНСУА СИМИАН** (1873–1935) и **ЭРНЕСТ ЛАБРУСС** (1895–1988) видели причины смены экономических циклов (подъёма и спада) в изменении стоимости денег, движении цен, колебаниях заработной платы, однако широкое использование статистических методов в их работах не было самоцелью: исследователи стремились связать динамику экономических процессов с изменениями в социальных отношениях и коллективной психологии, с активностью общественно-политических движений. Британский историк **РИЧАРД ТОУНИ** (1880– 1962) изучал социально-экономические предпосылки Английской буржуазной революции, а **ДЖОН КЛЕПЭМ** (1873–1946) в своей трёхтомной «**Экономической истории Великобритании**» (1926–1938) продемонстрировал развитие всех отраслей экономики страны в XIX – начале XX в.

Часть историков-экономистов были марксистами, а многие придерживались в своих объяснениях принципов так называемого экономического материализма. Позднее, уже в середине века, все больше историков-экономистов избирают количественный подход как основной – для них вопросы и методы исследования во многом предопределяются не историей, а экономической теорией. Главным образом речь в это время идет об эволюционных теориях неопозитивистского толка, прежде всего так называемых теориях экономического роста и индустриального (а позднее постиндустриального) общества. Законы в этих теориях не были всеобщими, имели ограниченную зону действия. Сторонники эволюционных теорий считали, что каждый период экономической истории имеет собственные законы.

С обстоятельной и в высшей степени убедительной критикой этих концепций выступил в то время один из крупнейших теоретиков XX столетия **ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС** (1881–1973), который отмечал, что периодизация экономической истории предполагает знание экономических

законов, свойственных каждому периоду, тогда как эти законы могут быть открыты только путем исследования отдельного периода без каких-либо ссылок на события, случающиеся за данными временными рамками. Предполагается, что на протяжении каждого из периодов экономической эволюции, следующих в определённом порядке, экономические законы остаются неизменными, и при этом ничего не говорится о переходе от одного периода к другому.

Вопрос 3

Наиболее последовательное отрицание «научной истории» нашло отражение в знаменитой книге немецкого историка и философа **ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА** (1880–1936) «**Закат Европы**» (1918–1922). Полярность природы и истории, полагал мыслитель, образует величайшую противоположность между двумя родами познания, которая равнозначна противоположности научного и жизненного опыта. Иными словами, история, как первоначальная и исконная форма жизненного опыта, не имеет ничего общего с наукой. Центральное место в его построениях занимает идея судьбы. Постигание судьбы, а значит, и самой истории, над которой она царит, не поддается способам научного познания. Главным методом исторического познания является интуиция.

По мнению немецкого ученого, история представляет собой последовательность замкнутых культурных образований. Каждая из культур имеет особенный характер, выражающийся в разных сторонах их жизни и развития, но все они проходят одинаковый цикл, напоминающий жизненный цикл биологического организма. Шпенглер растворяет историю в жизнеописаниях цивилизаций, каждая из которых рождается, растёт, взрослеет, увядает и умирает, и то, что определяет её зарождение, изменение и исчезновение, проистекает из её собственной природы. Цикл начинается с варварства примитивной эпохи; затем развиваются политическая организация, искусства и науки – от архаических к классическим формам

периода расцвета, сменяющегося консерватизмом эпохи декаданса; наконец, культура приходит к новому варварству и своему концу. Таким образом, мыслитель комбинирует идею замкнутости локальных структур с теорией культурно-исторических циклов, причем теория Шпенглера фиксирует не только фазы циклического развития культуры, но и их продолжительность. Каждая фаза культуры автоматически переходит в следующую, когда для этого наступит подходящее время, безотносительно к тому, как могли бы вести себя индивиды, жившие в ту пору. По сути дела, никакого исторического процесса не существует. Что бы человек ни делал, это не имеет никакого значения для конечного результата.

В двенадцатитомном труде «**Постижение истории**» («Исследование истории») выдающегося британского учёного **АРНОЛЬДА ТОЙНБИ** (1889–1975), который начал выходить в свет с 1934 г., предметом исторического исследования оказывается жизнь человеческих обществ. Тойнби подразделяет историю человечества на ряд локальных цивилизаций (которые в свою очередь делятся на первичные, вторичные и третичные), имеющих одинаковую внутреннюю схему, или функциональный закон, развития. Появление, становление и упадок цивилизаций характеризуются такими факторами, как внешний Божественный толчок и энергия, вызов и ответ, и, наконец, уход и возвращение. Признаётся, таким образом, некоторое закономерное движение по кругу. Историческое время на манер античной историографии понимается в известной мере как циклическое. Большое значение приобретают сравнения и аналогии, позволяющие устанавливать циклы, оценивать развитие во времени. При этом каждая из пяти основных выделяемых историком цивилизаций (западная, восточно-христианская, исламская, индуистская, дальневосточная) наследует черты предшествующих цивилизаций.

Среди бесконечного множества задач историка наиболее важными оказываются распознавание и разграничение основных структурных элементов исторического процесса, называемых обществами, и исследование

отношений между ними. Каждое общество или примитивно, или цивилизовано. Примитивные общества, которых подавляющее большинство, как правило, сравнительно невелики в смысле географического ареала их обитания и популяции, относительно недолговечны и обычно находят свою насильственную гибель, которую несёт им либо цивилизованное общество, либо вторжение другого нецивилизованного общества.

К основным категориям Тойнби относит также всеобщее государство и всеобщую церковь – организации, концентрирующие в себе соответственно всю политическую и религиозную жизнь общества, внутри которого они возникли. Основываясь на этих предпосылках, Тойнби приступает к решению главной задачи – сравнительному изучению цивилизаций: как и почему они возникают, развиваются, гибнут. Затем, в соответствии с планом исследования, он переходит к изучению природы универсальных государств и церквей, героических эпох и контактов между цивилизациями в пространстве и времени.

По мнению Тойнби, историей правит Божественная идея, к пониманию которой можно приблизиться лишь посредством интуиции и озарения. В рамках Божественного плана носителем прогресса является творчество отдельных личностей. Тем не менее, он не отрицает возможности объективного познания. Тойнби рассматривает историю как некую совокупность готовых фактов, наблюдаемых, регистрируемых и классифицируемых историком.

Во взглядах Шпенглера и Тойнби есть много общих черт. Главное же различие состоит в том, что у Шпенглера культуры совершенно обособлены друг от друга. Взаимоотношения этих изолированных в пространстве и времени культур, сходство между ними может установить только историк. У Тойнби же эти отношения хотя и имеют внешний характер, но составляют часть жизни самих цивилизаций. Для него чрезвычайно важно, что

некоторые общества, присоединяясь к другим, обеспечивают тем самым непрерывность исторического процесса.

В рамках историко-культурологической проблематики в межвоенные годы были достигнуты выдающиеся результаты, существенно обогатившие понимание исторического прошлого и методологию его изучения. В значительной степени они были, связаны с деятельностью нидерландского учёного **ЙОХАНА ХЕЙЗИНГИ** (1872–1945), имя которого прочно вошло в историю исторической мысли XX в. Своей знаменитой книгой «**Осень средневековья**» (1919), посвящённой исследованию форм жизненного уклада и мышления во Франции и Нидерландах в XIV–XV вв., Хейзинга положил начало формированию нового направления исторического знания – истории ментальностей. Не используя само это понятие, учёный обратился к внутреннему миру, душевным переживаниям человека как к одному из важнейших источников познания прошлого. На обширном материале разнообразных источников автор рисует впечатляющий образ уходящей средневековой культуры в её последней жизненной фазе, воспроизводящий многоцветный мир внутренних переживаний, чувств, страстей, надежд и страхов её носителей, характерные черты мировидения, поведенческие стереотипы и жизненные установки людей того времени.

Особенно рельефно историзм Хейзинги проявляется в его общей трактовке культуры XV в. как непрерывно изменявшейся во всех своих элементах. В его изображении это мир, полный динамики, многоцветья, в котором старое не просто увядало, а трансформировалось, вступало в сложные отношения с изменяющейся исторической действительностью Хейзинга отрицал исторический детерминизм и возможность предсказания в истории: «История, – писал он, – ничего не может предсказывать, кроме одного: ни один серьёзный поворот человеческих отношениях не происходит в той форме, в которой вообразало его себе предшествующее поколение. Мы знаем наверняка, что события будут развиваться иначе, не так, как мы можем их себе представить» .

Потребность в историческом знании исследователь считал абсолютной потребностью, присущей человеку, и дал развернутое обоснование основополагающего значения истории как интегрирующего элемента культуры. Историческое знание, писал он, и есть культура. Поэтому история может стать средством достижения столь необходимого в кризисное время духовного согласия людей. Хейзинга определял историю как духовную форму, в которой культура отдаёт себе отчёт о своём прошлом. В его творчестве с невиданной ранее в историко-философских трудах силой прозвучала тема человека в истории. Он стоял у истоков таких интенсивно развивающихся направлений современной науки, как историческая антропология и культурология.